

какого-то особеннаго православнаго народно-русскаго духа, который, наполняя собою все, спеціально присутствует въ бракѣ, кажутся до такой степени несостоятельными съ точки зрѣнія фактовъ, что рѣшительно не постигаешь, чему приписать ихъ возникновеніе. Народныя понятія могутъ казаться низменными сравнительно съ высокимъ идеаломъ, начертаннымъ въ законѣ; но дѣйствительность, какова бы она ни была, должна быть регулируема, а не игнорируема законодателемъ. Народу чужды многія положенія формальнаго права, не соответствующія реальной правдѣ; „крестьянина сильно возмущилъ бы фактъ, встрѣчающійся сплошь и рядомъ въ другихъ сословіяхъ, мимо котораго совершенно равнодушно проходятъ люди, гораздо болѣе развитые, — тотъ фактъ, когда въ силу закона какіе-нибудь дальніе родственники покойнаго, которыхъ онъ могъ даже никогда не знать, выбрасываютъ на улицу женщину, пожертвовавшую для него всѣмъ, дѣлившую съ нимъ много лѣтъ горе и радость“, хотя и безъ вѣнчанья. Для женщины, какъ жены, — по замѣчанію автора, — ничего не можетъ сдѣлать ни одно судебное мѣсто, кромѣ волостного суда. Волостной судъ, конечно, нарушаетъ законъ, утверждая разводы и разлученія супруговъ; однако, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г-жею Ефименко: „да простятся волостному суду его прегрѣшенія, такъ какъ ими предупреждаются ужасныя катастрофы, приводящія многихъ жертвъ въ преждевременную кровавую могилу или на скамью подсудимыхъ“. Любопытныя примѣры, извлеченныя изъ рѣшеній волостныхъ судовъ архангельской губерніи, а также изъ личныхъ наблюденій, прекрасно иллюстрируютъ мысль автора. Этому очерку предшествуетъ изложеніе историческаго развитія русскаго брака и русскаго брачнаго права, въ связи съ устройствомъ семьи у другихъ славянскихъ народовъ.

Въ этюдѣ о трудѣ, какъ источникѣ права по народнымъ воззрѣніямъ, приведены вѣсные доводы для доказательства того, что „въ народѣ существуетъ своеобразное право, въ которомъ первенствующую роль играетъ трудовое начало“. Что трудъ порождаетъ извѣстное право на вещь, сдѣланную или измѣненную при его участіи, — это не отрицается даже римскимъ правомъ, вопреки мнѣнію г-жи Ефименко. Передѣлка или обработка чужой вещи влечетъ за собою пріобрѣтеніе ея въ собственность, если вещь не можетъ быть возвращена въ прежній видъ; также точно, картина, нарисованная на чужомъ полотнѣ, принадлежитъ художнику, а не собственнику полотна. Очевидно, авторъ невѣрно представляетъ себѣ положеніе вопроса, если считаетъ нужнымъ дѣлать такого рода оговорку: „мы не смѣемъ слишкомъ надѣяться на успѣхъ, особенно въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ; всѣ факты могутъ разбиться о научныя пред-